

ОДИССЕЙ

2008

Script/Oralia: взаимодействие
устной и письменной традиций

Ночь как объект
исторической науки

Историческая наука
и «порядочные люди»

Карьерные стратегии
монархии Габсбургов

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ,
Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА, К.А. ЛЕВИНСОН,
С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Т.Н. ДЖАКСОН,
доктор исторических наук В.Я. ПЕТРУХИН

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. :
Наука, 1989 – .

2008 : Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в
Средние века и раннее Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2008. –
483 с. – ISBN 978-5-02-036740-1.

Юбилейный двадцатый выпуск альманаха “Одиссей” открывается разделом, посвященным анализу трансформаций, которые происходят с устной традицией в ситуации конфликта и взаимодействия с традицией письменной, в частности в условиях билингвизма при переводе с одного языка на другой и в эпоху книгопечатания, когда печатное слово начинает проникать в сферу устного и наоборот. Другие разделы сборника посвящены сравнительным исследованиям, истории представлений о времени, социальной истории, проблемам анализа словесных и визуальных образов в культуре. Публикация номера – текст гомилии блаженного Августина на один из стихов 120-го псалма. Традиционно значительное место уделено рецензиям и обзорам новой литературы.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей.

Темплан 2009-И-238

ISBN 978-5-02-036740-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2008
- © Лучицкая С.И., составление, 2008
- © Коллектив авторов, 2008
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания), 2008
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
SCRIPT/ORALIA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ	
<i>С.И. Лучицкая</i> ВВЕДЕНИЕ	7
<i>А.Л. Топорков</i> МАГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В УСТНЫХ И РУКОПИСНЫХ ТРАДИ- ЦИЯХ РОССИИ XVII–XVIII ВВ.	13
<i>С.И. Лучицкая</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В ХРОНИКАХ И CHANSONS DE GESTE ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА.	29
<i>О.И. Тогоева</i> “УПОВАЮ НА НЕГО И НЕ БОЮСЬ...” (ИС. 12: 2). ПРЯМАЯ РЕЧЬ ЖАННЫ Д’АРК НА ПРОЦЕССЕ 1431 г.	62
<i>София Менаше</i> УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ В ХРОНИКАХ: ТЕКСТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ (перевод с английского С.И. Лучицкой)	81
<i>Мари-Кристин Вароль</i> ТРАДИЦИЯ ТЕКСТОВ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ВЕЛИКОМ В СОВРЕМЕН- НЫХ ЕВРЕЙСКО-ИСПАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ (перевод с француз- ского С.И. Лучицкой)	105
<i>А.А. Котомина</i> “ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ПРЯХ”: ОПЫТ ЗАПИСИ ПОВЕРИЙ В УСЛОВИЯХ ОСВОЕНИЯ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ	138
<i>М.И. Василенко</i> ТРАДИЦИОННАЯ АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНО- ШЕНИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ	155
<i>Г.А. Попова</i> КТО ГОВОРИЛ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ В ХРИСТИАНСКОМ ТОЛЕ- ДО? (СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В ТОЛЕДО XII–XIII ВВ.)	165

<i>С.И. Лучицкая</i>	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
НИВЕРНО-ROSSICA: “ЗНАНИЕ В ОБЛАКАХ” В ДРЕВНЕИРЛАНДСКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ...	182
<i>П.В. Лукин</i>	
ДРЕВНЕРУССКИЙ “ПОТОК И РАЗГРАБЛЕНИЕ” В СВЕТЕ GERMANСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ	196

ВРЕМЯ САКРАЛЬНОЕ – ВРЕМЯ МИРСКОЕ

<i>Ален Кабантус</i>	
НОЧЬ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА XVII–XVIII вв.) (<i>перевод с французского И.К. Стаф</i>)	211

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>О.В. Хаванова</i>	
КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В ЗЕРКАЛЕ ОБРАЩЕНИЙ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ	230

СЛОВО И ОБРАЗ В КУЛЬТУРЕ

<i>О.Ф. Кудрявцев</i>	
“ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ САТУРНОМ”: АСТРАЛЬНАЯ МАГИЯ МАРСИЛИЯ ФИЧИНО	251
<i>И.Г. Галкова</i>	
“АКВИТАНСКИЙ ВСАДНИК” И АКВИТАНСКИЕ АРИСТОКРАТЫ: К ВОПРОСУ О СВЕТСКОМ ЗАКАЗЕ ЦЕРКВЕЙ В XII в.	275

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

<i>С.Л. Козлов</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И “ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ”: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К “АПОЛОГИИ ИСТОРИИ”	302

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ

<i>Питер Бёрк</i>	
“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (<i>перевод с английского К.А. Левинсона</i>)	337

Е.Е. Савицкий

“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В ИСТОРИОГРАФИИ – ДРУГИЕ ВЕРСИИ (КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ ПИТЕРА БЁРКА)	355
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

С.А. Степанцов

“УЖЕ ОСВЕЩЕНЫ ГОРЫ”: ПС 120: 1 У АВГУСТИНА И ЕГО ПРЕД- ШЕСТВЕННИКОВ	367
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

К.А. Левинсон

ТАКАЯ РАЗНАЯ УСТНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Nitхаммер Л.</i> Фрагменты немецкой памяти. М. (в печати). Книга погро- мов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг.: Сб. док-тов / Отв. ред. Л.Б. Милякова и др. М., 2007	382
---	-----

С.И. Лучицкая

ВОСПРИЯТИЕ НОЧИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

<i>L’imaginaire de la nuit au Moyen âge / Études réunies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.</i> 2002. Т. 106, N 2	409
--	-----

О.Е. Кошелева

ВОЛОВЬИ ЛУЖКИ И СИБИРСКИЕ ПРОСТОРЫ

<i>Kivelson V.</i> Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth- Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006	417
---	-----

А.В. Толстиков

СЕЛЬСКИЙ ПРИХОД ПОСЛЕ “ОХОТЫ НА ВЕДЬМ”

<i>Lennerstrand M., Oja L.</i> Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häx- processerna 1668–1671. [Hedemora], 2006	430
--	-----

ХРОНИКА

А.В. Свешников, Б.Е. Степанов

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ (К 20-ЛЕТИЮ “ОДИССЕЯ”)	444
---	-----

М.Ю. Парамонова

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ А.Я. ГУРЕВИЧА	457
-----------------------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЕЖЕГОДНИКЕ “ОДИССЕЙ” ЗА 1999–2008 ГОДЫ	461
--	-----

SUMMARIES	471
-----------------	-----

IN MEMORIAM

Юрий Павлович МАЛИНИН (1946–2007)	476
---	-----

CONTENTS

To the reader	5
---------------------	---

SCRIPT/ORALIA: THE WRITTEN AND THE ORAL IN THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIME

S.I. Luchitskaya

INTRODUCTION	7
--------------------	---

A.L. Toporkov

MAGIC TEXTS IN THE 17 TH - AND 18 TH -CENTURY RUSSIAN ORAL AND HANDWRITTEN TRADITION	13
---	----

S.I. Luchitskaya

THE INTERPLAY OF THE ORAL AND THE WRITTEN IN CHRONICLES AND CHANSONS DE GESTE OF THE FIRST CRUSADE	29
---	----

O.I. Togoeva

'FIDUCIALITER AGAM ET NON TIMEBO' (ISAIAH 12: 2). JOAN OF ARC'S DIRECT SPEECH AT THE 1431 TRIAL	62
--	----

S. Menache

ORALITY IN CHRONICLES: TEXTS AND HISTORICAL CONTEXTS	81
--	----

M.-Chr. Varol

TEXTUAL TRADITION OF ALEXANDER THE GREAT IN MODERN JUDEO-SPANISH PROVERBS	105
--	-----

A.A. Kotomina

THE GOSPELLES OF DYSTAUES: ASSIMILATING NEW KNOW-HOW AND WRITING DOWN POPULAR BELIEFS	138
--	-----

M.I. Vasilenko

THE ORAL AND THE WRITTEN IN TRADITIONAL ARABIC POETRY	155
---	-----

G.A. Popova

WHO SPOKE ARABIC IN CHRISTIAN TOLEDO? (THE USE OF ARABIC IN 12 TH - AND 13 TH -CENTURY TOLEDO)	165
---	-----

S.I. Luchitskaya

CONCLUSION	178
------------------	-----

COMPARATIVE HISTORY

G.V. Bondarenko

HIBERNO-ROSSICA: 'KNOWLEDGE IN THE CLOUDS' IN OLD IRISH AND OLD RUSSIAN MYTHOPOEIC TRADITIONS	182
--	-----

P.V. Lukin

THE OLD RUSSIAN <i>POTOK I RAZGRABLENIE</i> AND ITS GERMANIC PARALLELS	196
--	-----

TIME SECULAR AND SACRED

A. Kabantus

NIGHT AS SUBJECT OF HISTORICAL RESEARCH (WESTERN EUROPE, 17 TH –18 TH CENTURIES)	211
--	-----

SOCIAL HISTORY

O.V. Khavanova

CAREER STRATEGIES IN THE 18 TH -CENTURY HABSBERG MONARCHY IN THE MIRROR OF PETITIONS TO THE MONARCH	230
--	-----

WORD AND IMAGE IN CULTURE

O.F. Kudryavtsev

‘IMPRINTED BY SATURN’: MARSILIO FICINO’S ASTRAL MAGIC	251
---	-----

I.G. Galkova

THE ‘AQUITAINIAN HORSEMAN’ AND AQUITAINIAN NOBLES: TOWARDS THE QUESTION OF LAY PATRONAGE OF THE 12 TH -CENTURY CHURCH BUILDING	275
---	-----

HISTORIAN AND TIME

S.L. Kozlov

THE HISTORICAL RESEARCH AND THE <i>HONNÊTES GENS</i> : TOWARDS AN EXPLICATIVE COMMENTARY TO MARC BLOCH’S <i>APOLOGIE POUR L’HISTOIRE</i>	302
--	-----

DISCUSSIONS ON HISTORIOGRAPHY

P. Burke

THE PERFORMATIVE TURN IN RECENT CULTURAL HISTORY	337
--	-----

Ye.Ye. Savitsky

‘THE PERFORMATIVE TURN’ IN HISTORIOGRAPHY: OTHER VERSIONS (A COMMENTARY ON PETER BURKE’S ARTICLE)	355
---	-----

PUBLICATIONS

S.A. Stepantsov

- 'IAM ILLUMINATI SUNT MONTES': PSALM 120: 1 IN AUGUSTIN'S AND HIS PREDECESSORS' WRITINGS 367

BOOK REVIEWS

K.A. Levinson

ORAL HISTORY THE MANIFOLD

- Niethammer L.* Fragmenty nemetskoy pamyati. Moskva (forthcoming); Kniga pogromov. Pogromy na Ukraine, v Byelorussii i v evropeyskoy chasti Rossii vo vremya Grazhdanskoy voyny 1918–1920 gg. Sbornik dokumentov / Otv. red. L.B. Milyakova i dr. Moskva, 2007 382

S.I. Luchitskaya

THE PERCEPTION OF NIGHT IN THE MIDDLE AGES

- L'imaginaire de la nuit au Moyen âge / Etudes recueillies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.* 2002. T. 106. N 2 409

O.Ye. Kosheleva

OXEN MEADOWS AND THE VAST TRACTS OF SIBERIA

- Kivelson V.* Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006 417

A.V. Tolstikov

LIVING ON IN A RURAL PARISH AFTER THE WITCH HUNT

- Lennerstrand M., Oja L.* Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häxprocesserna 1668–1671. [Hedemora], 2006 430

CHRONICLE

A.V. Sveshnikov, B.Ye. Stepanov

- TWENTY YEARS AFTER (THE 20TH ANNIVERSARY OF *ODYSSEUS*) 444

M.Yu. Paramonova

- AARON GUREVICH MEMORIAL READINGS 457

- INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN *ODYSSEUS* IN 1999–2008 461

- SUMMARIES 471

IN MEMORIAM

- Yuriy Pavlovich MALININ (1946–2007) 476

ХРОНИКА

А.В. Свешников, Б.Е. Степанов

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ (к 20-летию “Одиссея”)

Если бы в нашей гуманитарной науке сегодня мог возникнуть проект, описывающий “места памяти”, альманах “Одиссей”, несомненно, заслуживал бы того, чтобы выступать в качестве одного из них. Его название поистине символично – слишком много с “Одиссеем” связано славных имен, слишком много в него вложено надежд, ожиданий и труда во имя новой науки, путь к которой был открыт переменами конца 80-х – начала 90-х годов. Смерть А.Я. Гуревича, одного из ведущих представителей отечественной гуманитарной науки и практически бессменного лидера альманаха, делает это символическое наследие почти невыносимым, побуждая предаться ностальгическому переживанию “утраченного времени”. Тем не менее мы бы хотели удержаться от ностальгии и раскрыть утопический¹ посыл “Одиссея”. Появление альманаха в 1989 г. позволило многим гуманитариям увидеть на русском языке издание, совершенно не похожее на те, что составляли корпус исторической периодики советского времени. С тех пор – как в Академии наук, так и за ее пределами – появляется все больше изданий, которые объединяет с “Одиссеем”, по крайней мере, то, что все они втянуты в интеллектуальную конкуренцию и, значит, в них невозможно просто “отсидеться”. Двадцать лет существования “Одиссея” отсчитывают историю этого поля, и настоящий юбилей – это хороший повод, чтобы дать отчет о сделанном и пройденном. Разумеется, и в издательском деле есть трудно рационализируемые (или просто скрытые от читателя) вещи – такие как харизма или стиль того или иного журнала или альманаха, его авторитет или способность открывать новые имена. Но это, конечно, не повод отказываться от анализа и оценки того, как устроено коммуникативное пространство издания, что мы и попробуем сделать применительно к долгожителю этого поля, разменявшему третий десяток.

“Одиссею” еще предстоит стать *предметом истории*: свидетельства о том, как делался альманах, пока достаточно разрозненные², сопровождавшие его путь конфликты еще не в полной мере стали прошлым для их участников, поэтому любое высказывание о нем

будет носить провокационный характер. Однако в перспективе этой будущей истории нам кажется важным предварить характеристику издания следующим соображением. Генезис любого предприятия отсылает прежде всего к спонтанности его рождения. “Одиссей” – дитя Перестройки, его появление было знаком складывания новой структуры исторической науки в России³. Однако в тот момент, когда альманах создавался, будущее социальных перемен, происходивших в обществе, вовсе не было определенным, а новая научная парадигма еще только приобретала законченную форму. То, что стало первым выпуском “Одиссея”, первоначально планировалось как сборник: неслучайно и А.Я. Гуревич в обращении к читателю так его и характеризует. Для превращения сборника в альманах требовалось чувство неотложности действия, готовность группы единомышленников использовать ситуацию идеологической растерянности для того, чтобы создать периодическое издание, которое позволило бы сформулировать новое видение исторической науки⁴. Костяк этой группы единомышленников составили лидеры неофициальной науки – А.Я. Гуревич, который, несмотря на постигший его недуг, почти 20 лет самоотверженно руководил работой “Одиссея”, Ю.Л. Бесмертный, взявший на себя в первые годы основной груз организационно-практической работы, и Л.М. Баткин, активно участвовавший в формировании идеологии журнала и обсуждении публиковавшихся в нем материалов. Было бы несправедливо забыть и о том вкладе, который был сделан в работу другими членами редколлегии “Одиссея” – Е.М. Михиной, Г.С. Чертковой, С.В. Оболенской, П.Ю. Уваровым, С.И. Лучицкой, Д.Э. Харитоновичем, М.Ю. Парамоновой, Б.С. Кагановичем, а также другими сотрудниками того отдела ИВИ РАН, которым руководил А.Я. Гуревич. Многие из того, что делалось в первые годы существования альманаха – да и в дальнейшем, – делалось впервые, создавалось исходя из тех возможностей, которые были доступны в тот момент, людьми, которые были далеко не во всем согласны друг с другом. Однако за всем этим нельзя не увидеть определенности того выбора, который сделал “Одиссей” воплощением нового образа исторического знания и нового профессионального канона⁵.

Институционально “Одиссей” был связан с организованным А.Я. Гуревичем в 1987 г. семинаром по исторической психологии, который существовал под эгидой Научного совета по истории мировой культуры при Президиуме АН СССР и только потом перешел под крышу ИВИ РАН. При этом важно отметить, что семинар по исторической психологии – по крайней мере, в первые годы – не был адресован исключительно специалистам. Заседания семинара собирали довольно большую аудиторию – до 100 человек, и она включала в себя далеко не только профессиональных гуманитариев⁶. Будучи

научным по своим задачам, семинар отвечал и тем ожиданиям, которые были связаны с обновлением гуманитарной науки. Наряду с приятательностью имен лидеров семинара, А.Я. Гуревича и Л.М. Баткина, интерес к нему, по воспоминаниям очевидцев, подпитывался тем, что это был совершенно новый опыт живого слова, публичного проговаривания и, тем самым, – осознания себя, значимый как для рядовых участников, так, вероятно, и для главных действующих лиц. И хотя первый выпуск альманаха был подготовлен вне связи с семинаром, в дальнейшем семинар стал, по выражению Д.Э. Харитоновича, испытательным стендом “Одиссея”⁷. Особой формой работы семинара стали ежегодные тематические конференции. Публикуемые в “Одиссее” материалы обсуждений позволяют донести до читателя атмосферу непосредственной научной дискуссии.

Дискуссионность была для издания программной. “Худший враг науки – категоричность суждений, безапелляционность выводов. Мы – за столкновение и сопоставление различных подходов к истории общества и культуры, за уважение к разным точкам зрения”, – писал А.Я. Гуревич в предисловии к первому выпуску альманаха⁸. Принципом редакционной работы “Одиссея” стало прочтение и общее обсуждение всех отобранных статей всеми членами редколлегии. Иногда результаты этого обсуждения попадали на страницы альманаха в виде сопроводительных откликов на некоторые из публикуемых материалов. Авторами этих откликов были, главным образом, А.Я. Гуревич и Л.М. Баткин. Сам этот жанр представляется удачной находкой, которую можно считать фирменным знаком “Одиссея”.

Редколлегия альманаха видела свою миссию в обновлении советской исторической науки, преодолении ее догматизма и расширении ее горизонтов. Новую идеологию науки символизировали и давший название альманаху образ мифического Одиссея, и пояснявшие смысл этого образа тексты на внутренних сторонах обложки – жанр, совершенно непривычный для советских периодических изданий⁹. Будучи тесно связанным с неофициальной средой (сплоченность которой имела не дисциплинарный и даже не только научный, но и политический характер), с именами тех, чье творчество ассоциировалось с представлением о другой – настоящей – науке¹⁰, издание не могло не стать междисциплинарным. Конечно, у “Одиссея” здесь были предшественники, в числе которых можно назвать, например, “Труды по знаковым системам” и “Восток-Запад”. Однако именно в “Одиссее” междисциплинарность приобрела, если можно так выразиться, статус исторического (т.е. относящегося к исторической дисциплине) факта. Уже в первом выпуске “Одиссей” не только представил свои страницы В.С. Библеру, В.В. Иванову, С.И. Великовскому и другим представителям смежных дисциплин, известных своей

высокой репутацией в науке, но и обозначил пространство соотнесения с разными дисциплинами и высказывания поверх отраслевых перегородок, устоявшихся географических и хронологических рубрикаций. Следует отметить, что речь не шла о механическом соединении различных дисциплин. Те способы самоописания междисциплинарного пространства, которые оказывались неорганичными (примером здесь может служить, на наш взгляд, “историческая психология”), постепенно отмирали¹¹. Не менее важным было и признание тех трудностей, которые возникали при попытках объединить представителей разных гуманитарных дисциплин вокруг обсуждения общих проблем, как это было, например, в опубликованной 1990 г. дискуссии об индивидуальности и личности в истории или, позднее, в дискуссии 2001 г. о русской культуре. Опыт “Одиссея” интересно осмыслить как своего рода поиск соотношения между теоретическими (инодисциплинарными) вызовами и дисциплинарными ответами, установочными статьями и дискуссионными разделами¹².

“Междисциплинарность” означала преодоление ограниченности советской исторической науки в рамках определенной научной программы. В ее основу была положена идея изучения “человека в истории”, истории культуры, понятой в антропологическом ключе. Эта программа была связана преимущественно с медиевистикой¹³. Вместе с тем, важно отметить, что, ориентируясь на эту программу, “Одиссей” претендовал на то, чтобы репрезентировать всю структуру исторической дисциплины¹⁴. Наряду с теоретическими и историческими разделами, на его страницах публиковались тексты источников и материалы, отражавшие ход научной жизни (дискуссии, хроника, рецензии и рефераты), а также юбилейные поздравления и некрологи¹⁵.

С этой программой был связан и другой принципиальный момент, который также относился исключительно к альманаху. Речь идет об установке на кооперацию с западной наукой. С самого начала название альманаха писалось на двух языках (русском и английском), а в конце первого номера была помещена сводка аннотаций материалов на английском языке¹⁶. Уже во втором выпуске кооперация стала приобретать реальные формы. Это подтверждалось не только публикацией в выпуске статей К. Гинзбурга, Э. Геллнера и Ж. Дюби, положивших начало непосредственному знакомству читателей “Одиссея” с работами мэтров западной историографии, но и включением в редакционный совет Ж. Ле Гоффа, Н.З. Дэвис и В. Вожжека. Нужно сказать, что эта кооперация имела не только географическое, но и временное измерение. В первые годы альманах имел постоянную рубрику “Новые подходы в историографии” (вариант – “Современная историография”), не только преобразившую жанр проблемного историографического обзора, но и обозначав-

шую в пространстве периодики иной временной режим – режим модернизации отечественной науки, связанный с усвоением достижений науки западной¹⁷. Ярким выражением этого стремления к синхронизации с западной наукой стала публикация в “Одиссее” за 1991 г. статей, освещавших критический поворот, заявленный в журнале “Анналы” публикациями 1988–1989 гг.

Другим способом установить для исторической науки новый временной режим стало создание рубрики “Историк и время”. Оно было связано с публикацией в “Одиссее” в 1992 г. воспоминаний А.Я. Гуревича “Путь прямой, как Невский проспект, или Исповедь историка”. Этот текст представлял собой попытку критического осмысления судеб корпорации медиевистов и советской исторической науки в целом сквозь призму профессиональной биографии¹⁸. Показательно, что наряду с мемуарами А.П. Каждана в этом же номере была опубликована и статья Н.Е. Копосова, посвященная критике ментальных основ советской историографии. Эти публикации открывали перспективу систематической проработки советского прошлого исторической науки, задавая при этом антропологический горизонт профессиональной саморефлексии¹⁹. Осмыслению советской науки были посвящены также материалы других разделов альманаха, в том числе биографические публикации Б.С. Кагановича, Л.Б. Вольфцун, Н.В. Брагинской и др.

Научная программа “Одиссея” была связана с кристаллизацией истории культуры как исторической антропологии. Без преувеличения можно сказать, что становление этого научного направления в России связано именно с “Одиссеем” и произошло во многом благодаря “Одиссее”²⁰. Не нужно забывать, что в конце 1980-х годов “историческая антропология” как самоназвание историко-культурного проекта было далеко не каноническим: неслучайно первый выпуск альманаха был посвящен “исследованиям по социальной истории и истории культуры”, а семинар назывался первоначально “семинаром по исторической психологии”. История “Одиссея” – это, в определенном смысле, и есть история исторической антропологии, поскольку именно на его страницах из туманного перспективного проекта, подобного бахтинской культурологии, и “тайного знания” мастеров, в первую очередь А.Я. Гуревича, Л.М. Баткина и Ю.Л. Бессмертного, она вырастает, во многом благодаря титаническим усилиям тех же самых мастеров, превращаясь в научное направление со своим набором проблем, методов и методик научного анализа и определенными способами научной самоидентификации. Формирование этого направления протекало весьма драматично, поиск ответов на вызовы общественной и научной ситуации сопровождался и конфликтами – как научного, так и личного порядка²¹.

Тематическая новизна большинства статей альманаха, посвященных самым разным сюжетам, определялась именно присущей им “антропологической ориентированностью”, т.е. стремлением “понять” человека прошлого через реконструкцию основных элементов его картины мира²². Образ исторической антропологии на страницах альманаха во многом был задан проблематикой, исследованию которой были посвящены труды А.Я. Гуревича, и в частности его “Категориями средневековой культуры”. Рубрики “Картина мира в обыденном сознании” (вариант – “Картина мира в народном и ученом сознании”) и, – в несколько меньшей степени – “Индивидуальность и личность в истории” приобретают на страницах альманаха статус постоянных. В 1993 и 1995 гг. к ним добавляются еще две относительно постоянные рубрики – “Образ другого в культуре” (вариант – “Свои и чужие”) и “Представления о власти”²³. В период после 1996 г. формирование устойчивых рубрик не происходит, и только в новом тысячелетии возникают новые рубрики – “Компаративная история” (вариант – “Проблемы сравнительной истории”) (2001 г.) и “Слово и образ в средневековой культуре” (вариант – “Историк и изобразительное искусство”) (2002 г.), которые в дальнейшем превращаются в постоянные, обозначая, таким образом, “повороты” историографической концепции альманаха. При этом пересматриваются и определенные теоретические ориентиры.

В этом плане ярким примером подобной тенденции является, на наш взгляд, судьба имени и “идей” М.М. Бахтина на страницах издания. Перечисляя в редакторской статье первого номера дисциплины, которые могут поспособствовать становлению антропологически ориентированной истории, А.Я. Гуревич называет среди них (наряду с исторической поэтикой, семиотикой, этнопсихологией и др.) “культурологию, олицетворяемую в нашей стране прежде всего М.М. Бахтиным”²⁴. Имя Бахтина программно выносится и в текст на третью сторонку обложки. В первом выпуске “Одиссея” Бахтин представлен довольно обильно – кроме А.Я. Гуревича, об “антропологических трудах М.М. Бахтина по истории культуры” (!) говорит Вяч.Вс. Иванов²⁵, на его философские идеи как на методологическое основание своей работы ссылается Д.Э. Харитонович²⁶. И, наконец, Бахтину посвящена самая большая по объему публикация номера – статья В.С. Библера “Диалог. Сознание. Культура (идея культуры в работах М.М. Бахтина)”. Нужно сказать, что текст Библера не просто посвящен анализу взглядов Бахтина, он написан в ключе бахтинской традиции философствования (в бахтинском дискурсе) человеком, который воспринимал творчество в то время как крупнейший последователь и интерпретатор творческого наследия Бахтина. По своей основной интенции эта статья смотрится сегодня достаточно радикально: Бахтин, утверждает Библер, выработал принципиально новую – “диало-

гическую” – философию бытия человека и культуры, которая наиболее адекватно соответствует реалиям XX в. Из этой философии вытекает и принципиально новая “диалогическая” методология (если в данном случае уместно это слово) гуманитарного познания.

Конечно, подобная насыщенность первого номера “Одиссея” Бахтиным имеет целый ряд причин. Во-первых, Бахтин, несомненно, относится к числу наиболее почитаемых классиков для “неформальной” советской гуманитаристики 70–80-х годов (классиков “по гамбургскому счету”), хотя, конечно, историки и литературоведы воспринимали его по-разному. Во-вторых, имя Бахтина действительно было связано с очень амбициозным и гораздо более неопределенным и аморфным, чем историческая антропология, проектом “культурологии”. Бахтин в тот период виделся отечественному гуманитарно в качестве потенциального классика, концептуальная проработка идей которого способна вывести научное познание на качественно новый уровень исследования, т.е. внимание к Бахтину было характерно не только для “Одиссея”.

Однако уже со второго номера альманаха “бахтинское” присутствие начинает существенно сокращаться. В первых 10 номерах альманаха Бахтин стабильно упоминается в одной, максимум двух статьях (“Одиссей” за 1991 и 1996 гг.) в качестве “обязательного” классика, ссылки на которого носят скорее ритуальный, чем принципиально содержательный характер²⁷, и, кроме того, “имплицитно” присутствует в названии разделов (“Народная и ученая культура”, 1991) и даже “темы” номера (“Картина мира в народном и ученом сознании”, 1994). При этом некий пафос (радикальное переосмысление и обновление) и напряженность, связанные с бахтинской философией в первом номере, как бы снимаются. Бахтин “нормализуется” и рутинизируется.

В следующих десяти выпусках альманаха присутствие Бахтина и вовсе сводится к минимуму²⁸. Исключением в этом отношении можно считать выпуск за 2005 г., посвященный самой что ни на есть “бахтинской” теме – времени и пространству праздника. Однако в целом, по-видимому, следует признать, что программные утверждения конца 80-х не выдержали проверки временем.

Другой важной тенденцией в развитии историко-антропологического проекта “Одиссея” стало появление в альманахе во второй половине 1990-х годов работ специалистов по русской истории (а также ряда специалистов по восточной культуре и этнографии), тогда как в конце 1980-х – в начале 1990-х годов в нем печатались практически исключительно историки древнего мира и медиевисты²⁹. Историки-русисты становятся активными участниками публикуемых в “Одиссее” дискуссий, а иногда, как А.Л. Юрганов, – и их застрельщиками. Эти тенденции отражают огромную работу по определению режима вариативности заложенной в начале 90-х годов модели и по

выработке новых аспектов, по-новому фокусирующих рассмотрение материала. Вместе с тем, определяется тематический и хронологический диапазон исторической антропологии, которая продолжает сохранять по вполне понятным причинам свою связь с медиевистикой, хотя, как свидетельствует С.В. Оболенская, А.Я. Гуревич и сетовал на то, что “Одиссей” остается изданием медиевистов. Дело не только в том, что на страницах альманаха трудно пока представить себе статьи, посвященные кинематографу или гендерной проблематике. Проблема заключается, на наш взгляд, также и в том, что по сравнению с началом 90-х годов рубрики перестали “говорить сами за себя” и утратили свою “проблемность”³⁰. В отличие от определяющих тему каждого номера материалов дискуссий, в других рубриках “Одиссея” ощущается недостаток редакционных комментариев, которые бы представляли актуальность публикуемых в этих рубриках материалов и их адресацию и разъясняли читателю, к примеру, почему для освещения проблем компаративной истории выбран текст М. Блока и с какой целью и на каком основании в рубрике “Картина мира в обыденном сознании” опубликованы тексты Ж. Дюби о замужестве в Северной Франции и А.Г. Левинсона о массовых представлениях об исторических личностях³¹.

Указанные явления представляются симптомом некоторой общей “рутинизации”, связанной с утратой “программности”. Воплощением последней, на наш взгляд, стали выпуски 1995 и 1996 гг., в которых была поднята тема постмодернистского вызова. Выпуск 1995 г. продолжал серию выпусков начала 90-х годов, развивая фирменные рубрики “Одиссея”, о которых было сказано выше, и вместе с тем предлагая историко-антропологическую интерпретацию новой темы – темы власти. Однако в рамках ее обсуждения – прежде всего благодаря статье ответственного редактора выпуска Ю.Л. Бессмертного – намечался новый горизонт историографической рефлексии, связанный с вызовами постмодернизма и подходами микроистории. Центральным сюжетам номера – “власти” и “отношениям историографии и постмодернизма” – были посвящены специальные рубрики. Представленные в них статьи как отечественных, так и зарубежных авторов сопровождалась полемическими откликами А.Я. Гуревича и Л.М. Баткина. Поднятые в “Одиссее” за 1995 г. темы постмодернистского вызова и микроистории стали заглавными в следующем выпуске альманаха, вышедшем уже под новой обложкой. В предисловии редактора А.Я. Гуревич писал о необходимости признать серьезность вызовов постмодернизма и дать новое обоснование исторической антропологии: «На страницах “Одиссея” всегда уделялось внимание методологии истории, и в частности историко-антропологическому подходу. В этом мы усматривали одну из наиболее важных задач. Теперь, однако, явно настало время обсудить вопрос более

широко и вдумчиво. Поскольку исследовательская практика историков неразрывно связана с теоретической рефлексией, мы хотели бы осуществлять эту стратегию во всех материалах, публикуемых в “Одиссее”. Но приходится признать, что очень трудно реализовать эти намерения, и нам не всегда удавалось это сделать. Я убежден в том (и хотел бы это подчеркнуть), что только скрупулезный анализ как ведущих тенденций современной науки, так и ростков ее новых направлений способен дать нам прочные ориентиры»³². Следующее за этим признанием перечисление ведущих тенденций современной науки (“микроистория” и “макроистория”, история понятий, новая социальная история, интеллектуальная история, альтернативная история и др.) помещает историческую антропологию в очень дифференцированное и динамичное пространство новейшей историографии. Это видение ситуации в науке (которое, кстати, радикально отличается от того, что было сформулировано в первом выпуске “Одиссея”) разворачивается затем в материалах выпуска, посвященных характеристике новой интеллектуальной и новой культурной истории, микроистории, а также обсуждению отношения историков к методологии и теории. Особое место среди них занимает “Территория историка” самого А.Я. Гуревича, где, откликаясь на постмодернистскую критику исторической науки, он пытается по-новому обосновать отношения современности и прошлого. В этом контексте представляется важным отметить и публикацию статьи О.Г. Эксле об Э. Канторовиче, которая не только одной из первых вводит важную традицию рефлексии об историзме как саморефлексии современности/модерна, но и предлагает сложную модель рефлексии о культурных и политических импульсах научного творчества³³.

Однако, как представляется, заявка, сделанная в этом номере, не была реализована. В последующие годы в “Одиссее” практически не появилось теоретических разделов, которые стояли бы на уровне того, что было сделано в выпусках 1991, 1995 и 1996 гг. Из тех тенденций, которые были намечены для обсуждения, освещение получили практически лишь “альтернативная история”, микроистория и, отчасти, лингвистический поворот³⁴. Исчезают рубрики “Новые направления в историографии” и “Современная историография”, их заменяют более нейтральные и обобщенные – “Проблемы (современного) гуманитарного знания” и “Теория исторического познания”. Соответственно и материалы теоретического плана, представленные в том числе и самим А.Я. Гуревичем, посвящены либо достаточно общим вопросам (семиотика, сослагательность в истории), либо обороне исторической антропологии, доказательству ее жизнеспособности и актуальности³⁵. Основной упор падает на дискуссии, которые приобретают более регулярный характер. При этом тематика дискуссий определяется преимущественно теми поворотами, которые были описа-

ны выше, но в целом они все больше замыкаются в рамках медиевистики³⁶. Показательно, что после 1996 г. в “Одиссее” исчезает редакторское предисловие, которое для альманаха представляется вполне необходимым жанром³⁷. Мониторинг текущего состояния исторической науки практически целиком переходит в форму рецензий³⁸. Что же касается историографических рубрик, то большинство публикуемых в них материалов посвящено критическому осмыслению советской историографии, и в частности публикациям материалов, посвященных гонениям власти на историков. При всей важности, которую эта тематика приобретает в контексте общественно-политических тенденций последних лет, сомнительно, что она может отразить современный уровень профессиональной саморефлексии историков³⁹.

Зафиксированные нами тенденции вряд ли можно оценить однозначно. Разумеется, отбираемые для публикации тексты не стали менее профессиональными, а критерии их отбора – менее строгими. Вместе с тем понятно и то, что сообщество историков изменилось – не в последнюю очередь благодаря присутствию “Одиссея” – и в плане организации науки, и в плане собственно исследовательского самоопределения. Вполне возможно, что в новой ситуации теория и междисциплинарность в одних своих формах стали частью научного быта, а в других – наоборот – вызывают разочарование и отторжение. Верно и то, что “перманентная революция” вряд ли может быть сочтена нормальным режимом бытования науки. Остается, однако, вопрос о том, как сегодня быть программным изданием, чем высечь искру полемики и кого эта полемика может объединить⁴⁰.

У “Одиссея” есть свой путь, но – как гласил текст на третьей стороне его обложки – «культура всегда есть путь и встреча. По словам М.М. Бахтина, культура всегда осознает себя на границе с другими мирами. “Одиссей” – наше собственное культурное сознание, имеющее дело с иными культурами, сохраняющее способность вслушиваться и удивляться». Метафора “встречи” представляется нам ключевой, поскольку она не магистральна, но событийна. Каким образом “Одиссей” от выпуска к выпуску будет учить нас вслушиваться и удивляться, какие новые встречи ждут нас на страницах альманаха, где наше исследовательское сознание обнаружит свои границы и как определит свое место в истории – покажет время.

¹ Карл Манхейм называл “утопическими” те представления, которые взрывают существующий порядок.

² При написании статьи были использованы материалы интервью, взятых Б.Е. Степановым в 2006–2007 гг. Благодарим Е.М. Михину, Д.Э. Харитоновича, П.Ю. Уварова, С.В. Оболенскую, М.Ю. Парамонову, С.И. Лучицкую, которые согласились рассказать о работе альманаха и семинара по исторической антропологии.

- ³ *Копосов Н.Е., Бессмертная О.Ю.* Ю.Л. Бессмертный и “новая историческая наука” в России // *Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного.* М., 2003. Кн. 1. С. 131–137; *Свейников А.В.* Культурологические и структуралистские тенденции в отечественной гуманитарной мысли 1970-х гг. // *Очерки истории отечественной исторической науки XX века.* Омск, 2005. С. 603–625. Другой вопрос – насколько историческая наука в России стала новой. Общая ситуация с российской исторической периодикой делает положительный ответ на этот вопрос совершенно неочевидным.
- ⁴ См. об этом: *Гуревич А.Я.* “Быть дольше в стороне мне казалось невозможным...” // *Новое литературное обозрение.* 2006. № 81. С. 178–179.
- ⁵ Этот выбор носил не только интеллектуальный, но организационный и биографический характер. Имея возможность в конце 1980-х годов войти в редакцию “Средних веков”, создатели “Одиссея” сделали выбор в пользу нового издания. А.Я. Гуревич ради возвращения к работе над “Одиссеем” отказался от продолжения своей американской командировки. См. об этом: *Гуревич А.Я.* “Быть дольше в стороне мне казалось невозможным...” С. 179.
- ⁶ Показателен и отклик: наряду с профессиональными текстами, пополнявшими портфель альманаха, в редакцию приходила также масса текстов “с улицы”. По установившейся в “Одиссее” традиции каждый из авторов этих текстов должен был получить ответ из редакции. Демократический характер альманаха, унаследованный от семинара, на первых порах подкреплялся и адекватным объемом тиражей его первых выпусков: 20 000 экземпляров у первых двух выпусков и 13 000 – у третьего. Разумеется, эти тиражи не шли в сравнение с тиражами флагманов периодической печати того времени, однако они давали возможность “Одиссее” рассчитывать на широкий резонанс, выходящий за рамки собственно профессиональной среды. Разумеется, падение тиражей альманаха к концу 1990-х годов не могло не сказаться на степени его влияния.
- ⁷ Уже к середине 1990-х годов “Одиссей” становится более автономным в отношении к семинару: хроника семинара, напечатанная в 1989 и 1993 гг. вместе с комментариями Е.М. Михиной, затем перестает публиковаться в альманахе.
- ⁸ *Гуревич А.Я.* К читателю // *Одиссей. Человек в истории.* 1989. М., 1989. С. 9.
- ⁹ Название альманаха было придумано В.С. Библером, авторами текста на второй и третьей сторонах обложки были Ю.Л. Бессмертный и Л.М. Баткин. Черный цвет обложки первых выпусков “Одиссея”, как свидетельствует С.В. Оболенская, должен был по замыслу ассоциироваться с морем.
- ¹⁰ Печальная миссия “Одиссея”, особенно в последние десятилетия, – свидетельствовать об уходе этого сообщества и составлять его мартиролог.
- ¹¹ Ср. *Гуревич А.Я.* Медиевистика на распутье: о книге Х.-В. Гетца // *Одиссей. Человек в истории.* 2004. М., 2004. С. 352. См. об этом *Степанов Б.Е.* Тонкая красная нить: споры о личности и индивидуальности как зачин историографии 1990-х // *Новое литературное обозрение.* 2007. № 83 (на CD).
- ¹² Как свидетельствует С.В. Оболенская, А.Я. Гуревич заботился о сохранении баланса между теоретическими и конкретно-историческими материалами. Вместе с тем, по свидетельству Е.М. Михиной и П.Ю. Уварова, редколлегия неоднократно забраковывала статьи, которые признавались излишне далекими от конкретного материала.
- ¹³ Вероятно, не будет преувеличением сказать, что именно на страницах “Одиссея” медиевистика как раздел всеобщей истории приобрела по праву принадлежавший ей в XX в. статус сферы историографической инновации. Ср.: Гу-

- ревич А.Я.* Историк среди руин: Попытка критического прочтения мемуаров Е.В. Гутновой // Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. М., 2005. С. 763; *Он же.* К читателю. С. 9; Ср. об этом *Харитонович Д.Э.* Десять лет странствий “Одиссея” // Средние века. М., 2001. Вып. 62. С. 226–227.
- 14 Не случайно, по свидетельству С.В. Оболенской, А.Я. Гуревич предпочитал называть “Одиссей” не альманахом, а журналом.
- 15 Здесь нельзя не отметить созданные Л.М. Баткиным (“О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод”) и А.Я. Гуревичем (“Историк и история. К 70-летию Ю.Л. Бессмертного”) прекрасные образцы юбилейной проблемной статьи, на которые при создании этого текста отчасти ориентировались и мы. Что касается рецензий, то, справедливости ради, нужно отметить, что этот жанр появляется в “Одиссее” только после 1996 г.
- 16 Ср. также публикацию статей “Одиссея” на французском языке: *L’homme et l’histoire: Recherches historico-anthropologiques et historico-culturelles.* Moscou, 1990.
- 17 В продолжение этой работы командой “Одиссея” были выпущены два сборника: История ментальностей и историческая антропология. М., 1996; Анналы на рубеже веков: Антология. М., 2002.
- 18 См. об этом также: *Гуревич А.Я.* Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2004. С. 372–373. Надо отметить, что замысел Гуревича утвердить жанр эго-истории на страницах альманаха не получил продолжения, за исключением статей М.С. Альперовича и С.В. Оболенской.
- 19 В связи с темой историографической рефлексии нужно упомянуть также и о новаторских и не утрачивающих своего значения по сей день публикациях, посвященных метафорам в историографии.
- 20 Описывая современное состояние исторической антропологии, А.И. Куприянов называет среди изданий, способствующих формированию этого направления в России, альманахи “Одиссей” и “THESIS”: *Куприянов А.И.* Историческая антропология. Проблемы становления // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996 С. 369, см. также: *Кром М.М.* Историческая антропология. М., 2004. Таким образом, все три этапа “одиссеи” исторической антропологии в России – “узнавание, признание, критика” – непосредственно связаны с альманахом “Одиссей”. Разумеется, речь не идет о том, что историческая антропология возникла на пустом месте и/или существует в безвоздушном пространстве. Наша задача здесь – разобраться, как представляется историческая антропология сквозь призму устройства альманаха.
- 21 Как свидетельствует Е.М. Михина, уже программное вступление к первому выпуску “Одиссея” стало предметом споров между членами редколлегии альманаха.
- 22 *Харитонович Д.Э.* Десять лет странствий... С. 220–221. Здесь также присутствует обсчет публикаций альманаха за 1989–1998 гг.
- 23 Вместе с тем у альманаха существует и более подвижный пласт рубрикации, ориентирующий на отдельные сюжеты и статьи.
- 24 *Гуревич А.Я.* К читателю... С. 7. Впоследствии слово “культурология” приобретает для Гуревича сугубо негативные коннотации. Например: “Институту философии этот труд был не нужен, он был нужен Юдину, желавшему увековечить себя как культуролога, впрочем, тогда этого неприличного слова еще не употребляли”: *Гуревич А.Я.* История историка. М., 2004. С. 128.
- 25 *Иванов Вяч.Вс.* Культурная антропология и история культуры // *Одиссей.* Человек в истории. 1989. М., 1989, С. 13. Здесь же Вяч.Вс. Иванов говорит о том,

- что “антропологическая школа истории культуры, созданная в СССР трудами М.М. Бахтина, В.Я. Проппа, И.Г. Франк-Каменецкого, О.М. Фрейденберг, Л.С. Выготского, С.М. Эйзенштейна и других наших ученых в 20–40-е гг., в ряде отношений опередила мировую науку”.
- 26 См.: *Харитонович Д.Э.* В единоборстве с василиском: опыт историко-культурной интерпретации средневековых ремесленных рецептов // *Одиссей. Человек в истории.* 1989. М., 1989. С. 77.
- 27 Исключением в данном случае можно считать статью А.Я. Гуревича “Территория историка”, где концепция М.М. Бахтина используется автором для формулировки альтернативной постмодернизму исторической эпистемологии.
- 28 Ссылки на Бахтина мы обнаружили лишь в выпуске за 2002 г., причем, что характерно, в статьях А.Я. Гуревича и Л.М. Баткина, для которых он оставался значимым автором. Характерным в этом отношении представляется суждение Л.М. Баткина. Констатируя разочарованность историков в различных теоретических концепциях, он писал: “Зато уж в Михаиле Бахтине никто никоим образом не мог бы быть разочарован, потому что историки его не читают”. *Баткин Л.М.* Заметки о современном историческом разуме // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории.* 2000. М., 2000. С. 64.
- 29 См. об этом: *Историк у верстака. Интервью с А.Я. Гуревичем // Отечественные записки.* 2004. № 5. (<http://www.strana-oz.ru/?numid=20&article=939>). Вероятно, доклады по истории России, которые делались в семинаре по исторической психологии с самого начала его существования, не проходили конкурсного отбора у редколлегии “Одиссея”.
- 30 Это происходит не только со старыми, но и с новыми рубриками – так, например, рубрика “Культурная история социального” вводится как нечто само собой разумеющееся.
- 31 Справедливости ради нужно сказать, что есть и удачные примеры, в частности – “Одиссей” за 2002 г., посвященный отношениям слова и образа в средневековой культуре.
- 32 *Гуревич А.Я.* Историк конца XX века в поисках метода // *Одиссей. Человек в истории.* 1996. М., 1996. С. 9.
- 33 Публикация статей О.Г. Эксле в последующих выпусках “Одиссея” представляется нам ценным вкладом в развитие историографии современной теории культуры.
- 34 При этом интересно, что в статье “Апории современной исторической науки – мнимые и подлинные”, опубликованной в “Одиссее” за 1997 г., А.Я. Гуревич рассматривает проблему альтернативности в исторической науке, однако в рамках дискуссии микроистория не обсуждается. Рубрика “Микроистория” появляется в “Одиссее” за 2005 г.
- 35 Пожалуй, главные достижения этого периода связаны с публикациями, представляющими немецкую историко-антропологическую традицию.
- 36 Показательно, что за исключением теоретических дискуссий о сослагательном наклонении в истории, проблеме русской культуры, переводе и периодизации, совместить статьи о прошлом и о современности удалось только в рамках организованной П.Ю. Уваровым дискуссии о пире (“Одиссей” за 1999 г.).
- 37 Этот жанр мы находим всего в двух выпусках – юбилейном выпуске 1998 г. и в выпуске 2002 г., посвященном теме “Слово и образ в средневековой культуре”. После 1996 г. исчезают и программные тексты на второй и третьей страницах обложки.

- ³⁸ Рецензии дают возможность осуществлять мониторинг текущего историографического процесса, но вряд ли позволяют производить систематическую рекогносцировку научного пространства. Удачным примером дискуссии, сформированной из рецензий, можно считать обсуждение книги Б.Н. Миронова “Социальная история России” (“Одиссей” за 2004 и 2006 гг.).
- ³⁹ Блестящее исключение – статья А. Герро, опубликованная вместе с материалами дискуссии о феодализме, проведенной на семинаре по исторической и культурной антропологии и Ассамблее медиевистов (“Одиссей” за 2006 г.).
- ⁴⁰ Ср. об этом: Интеллектуальные журналы. Беседа с Борисом Дубинным // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006. С. 50–54. Весьма интересным импульсом для рефлексии в этом отношении представляют статьи М. Эмара и Ж.-И. Гренье, опубликованные в выпуске “Одиссея” за 2005 г. в разделе, посвященном 75-летию журнала “Анналы”.

М.Ю. Парамонова

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ А.Я. ГУРЕВИЧА

Чтения памяти А.Я. Гуревича прошли в Институте всеобщей истории РАН 25–26 сентября 2007 г. и были организованы сектором культурной антропологии при участии Российского государственного гуманитарного университета и Дома наук о человеке (Париж, Франция). В Чтениях приняли участие отечественные и зарубежные ученые, среди них исследователи, много лет поддерживавшие с А.Я. Гуревичем профессиональные и личные связи, равно как и испытывавшие обаяние его таланта опосредованно, прежде всего через его многочисленные сочинения. Доклады, прозвучавшие на Чтениях, можно разделить на несколько тематических групп; они отражают разнообразие научных интересов А.Я. Гуревича и очерчивают круг проблем, которые занимают центральное место в его исследованиях. Основное внимание участников Чтений было уделено обсуждению четырех вопросов: 1. Пути формирования современных парадигм исторического и гуманитарного знания (Н.Е. Копосов. А.Я. Гуревич и “культурные повороты” в современной историографии; Д.Р. Хапаева. Гуревич и память профессии; О.Г. Эксле. Сколько длилось Средневековье; Е.А. Чеканцева. История ментальностей и интеллектуальный пейзаж XX века); 2. Социальная ответственность историка и его ответ на идеологические и культурные вызовы своей эпохи (С.Л. Козлов. Гуманитарная наука и “порядочные люди”: к вопросу об идеологическом изменении знания во Франции XIX–XX вв.; О.Ю. Бессмертная. “Как нам переосмыслить советское прошлое нашей профессии?”; В.С. Савчук. Личность и творчество А.Я. Гуревича